

Ваш Ю.

Общая газета
- 2000 -
- 23-29 нояб.
- с. 10Так подписывал Даниэль
письма из заключения

ЭТО толстая книга — 650 страниц одних только писем, написанных писателем Юлием Даниэлем в 1965–1970-х годах, а к ним еще огромный комментарий, указатель имен, словом, современный научный аппарат. Том истории нашей страны, отраженной в письмах заключенного. Эти письма были сохранены друзьями: Ирина Глинка и Юрий Левин, Марина и Юрий Герчук перепечатали их в свое время, а впоследствии сберегла Ирина Уварова. Сам автор при жизни ни малейшего интереса к этому факту не испытывал. Он с большим увлечением занимался художественным переводом, писательская муза его оставила. Или он ее.

Письмам тридцать лет. За это время успели родиться внуки и народить новеньких детей. Сменилось поколение, названия улиц и городов, книг на полках и еды на столе. Прошло двенадцать лет с тех пор, как умер Юлий Даниэль. Том издан к 75-летию.

Когда я познакомилась с Юлием Марковичем, он только что вернулся из ссылки и был тогда герой и рыцарь без страха и упрека. Мы, глупые и молодые, восхищались его бесстрашием, мужеством, внутренней свободой и чудесной приветливостью. Мы дружили много лет, но образ героя затмевал мне более важные, более глубокие вещи. Он долго и трудно болел, и болезнь его была такова, что отнимала его не только у близких, но и у самого себя. Он боролся, защищал свое растворяющееся сознание до последнего. Он обращался к нам с ласковым словом «дружочек», потому что боялся спутать наши имена. Его воля, талант и мужество уходили на то, чтобы донести ложку добра, не капнув на скатерть. Здоровые, мы никогда не сможем проникнуть в этот расползающийся мир, а будучи больными, не сможем о нем рассказать. Юлик ни разу не позволил себе пожаловаться. До последнего дня он сохранил чувство собственного достоинства и редкостное, свободное и неснобское расположение ко всем людям:

каждый мог рассчитывать на презумпцию невиновности.

Прошло двенадцать лет. Он с тех пор не изменился. Но изменились мы. И теперь я вижу в нем не героя — романтические времена прошли, теперь открылось, что такое величие частного человека, простая и важная вещь, о которой я прежде не догадывалась: именно он продемонстрировал нам священность частной жизни.

И, может быть, не в том было самое героическое его деяние, что он опубликовал свою книгу на Западе в годы, когда и подумать об этом было страшно, а в том, что он пренебрег ролью героя и отказался играть предлагаемую роль борца и диссидента, а предпочел свободу в ее самом интимном и домашнем свойстве: лежал на диване с книжкой в руках, пил вино с друзьями или просто сидел в кресле перед телевизором с собакой Алькой в ногах и котом Лазарем на некотором отдалении. Он переводил стихи и говорил о литературе, а тщеславие грызло других, порой очень героических людей, которые все не могли рассчитаться на «первый-второй». Он был от этого свободен, не озабочен своим номером в процессе еще не начавшейся перестройки и даже за положенной ему пенсией фронтовика и инвалида руки не протянул. Он оставался ровно таким, каким был с юных лет: начальствовать не хотел. Был в его юности такой эпизод: когда его мобилизовали в 1943-м, то направили в училище, из которого он должен был выйти офицером. А он попросился в рядовые — чтоб никем не командовать...

Но рядовым ему все-таки быть не суждено. Он выламывался из любого ряда, из любой иерархии, не укладывался ни в какой разряд. Он был единственным и уникальным, человеком без общих мест, автоматических суждений, всегда непредвзятым и благожелательным. И в письмах его сохранился его живой голос. Спасибо всем, кто этому помог.

Людмила УЛИЦКАЯ

112

102